

МЕГАСЕТИ И СЕТЕВАЯ ИДЕОЛОГИЯ

А.В. Олескин, кафедра общей экологии и гидробиологии биологического факультета МГУ, член Сретенского клуба

В.С. Курдюмов, директор Центра междисциплинарных исследований Института экономических стратегий РАН, координатор Сретенского клуба

Резюме

Современное общество с информационными технологиями немыслимо без сетевой трансформации (или сетевой революции) – распространения в социуме децентрализованных, лишенных иерархии *сетевых структур*, спаянных едиными целями и нормами поведения. Сетевые структуры выполняют в обществе немало полезных функций, представляя эффективную форму организации творческих коллективов, особенно решающих нечеткие комплексные междисциплинарные задачи современности. В бизнесе сетевые структуры (в частности, децентрализованные сетевые альянсы предприятий) – важная предпосылка успешной коммерческой деятельности в условиях нестабильных, динамичных рынков современности, осложненных операциями с виртуальной валютой и блокчейном.

Однако помимо практических функций, сетевые структуры спонтанно генерируют и новое миропонимание, новые ценности, новую идеологию в самом широком смысле слова. Продолжая предшествующие исследования, мы рассмотрим в настоящей работе именно идеологическую роль сетевых структур. Более того, осмелимся с самого начала сделать утверждение, что именно сетевые структуры способны преодолеть тот идеологический вакуум, который характерен как для посткоммунистических стран после потери влияния ранее спланивавшей их идеологии, так и стран Запада, где на наших глазах дискредитируются ранее незыблемые либеральные идеологические установки.

Какую идеологию несет с собой сетевая трансформация? Может ли она сполна выполнять функции идейно-ценностного консолидатора наций, как это делали и коммунистическая, и либеральная идеологии? Каким условиям должны отвечать сетевые структуры (или просто: сети), чтобы генерировать эффективные идеологии? Эти вопросы рассмотрены в настоящей работе.

Введение

В современном социуме с каждым днем все острее ощущается – вопреки многочисленным нелегким «земным» проблемам и конфликтам – также и *духовный голод*, дефицит новой вдохновляющей и объединяющей людей идеологии. Нет нужды подчеркивать, что современный социум оказался «покинутым» как коммунистической, так и доживающей последние годы либеральной идеологией.

В условиях идейного вакуума, утраты духовных скреп между людьми и, соответственно, нарастания «социальной атомизации», одиночества и эгоизма особое значение приобретают *децентрализованные, распределенные сетевые структуры* в социуме. Как продемонстрировано в ряде работ автора (Олескин, 1998, 2012, 2013, 2016, 2018), подобные сетевые структуры отличаются отсутствием единого управляющего центра, в противоположность централизованным иерархиям. От (квази)рыночных структур сетевые структуры в

указанном узком смысле отличаются преобладанием кооперации внутри таких структур над конкуренцией между их элементами.

В работах, ранее опубликованных в журнале *Экономические стратегии*, уже была подробно обсуждена та польза для общества и государства, которую могут приносить децентрализованные сетевые структуры как, например творческие научно-исследовательские лаборатории, команды IT-специалистов, художественные артели, группы самостоятельно работающих студентов при интерактивном образовании, сетевые альянсы предприятий, структуры гражданского общества и др.

Однако, помимо решения разнообразных практических задач, децентрализованные сети способны к созданию и распространению новых *ценностных и идеологических установок* в социуме.

Прежде чем непосредственно перейти к этой основной теме настоящей работы, отметим два важных момента:

- Данная работа не ставит целью рекламирование какой-либо конкретной идеологии; ее цель – продемонстрировать, почему сети способны генерировать вдохновляющие идеологии
- Для читателей, не знакомых с предшествующими публикациями автора, приведем ниже краткое описание конкретного варианта децентрализованной сетевой структуры под названием «хирама».

Итак, сложносокращенное слово «хирама» (hirama) означает High-Intensity Research and Management Association (Олескин, 2012, 2016, 2018; Олескин, Курдюмов, 2018). Речь идет о технике создания сетевой децентрализованной команды для решения некоторой междисциплинарной задачи. Задача дробится на несколько субпроблем, Однако членение проблемы на субпроблемы не означает деление коллектива участников на части. Они параллельно работают по нескольким субпроблемам сразу. За каждой из субпроблем закреплен только специализированный частичный творческий лидер, координирующий работу всех участников хирамы по соответствующей теме и протоколирующий их идеи. Специализированный частичный лидер взаимодействует с неспециализированными членами сетевой структуры. В хираме имеется также психологический лидер, призванный налаживать отношения между индивидами и группами в коллективе и направлять их в конструктивное русло. Структура может включать также лидера по внешним связям (внешнего лидера), представляющего данную сетевую структуру в социуме (Олескин, Курдюмов, 2018).

Необходимость объединения сетевых структур с формированием мегасетей

С учетом данного примера вернемся к вопросу об идеологической роли сетевых структур. Возможный довод против самой возможности такой роли заключается в том, что возникающие в социуме спонтанно и сознательно конструируемые *сетевые структуры часто малочисленны и имеют узкие цели и задачи*, не позволяющие заниматься широкими мировоззренческими вопросами.

Далеко не все сетевые структуры создаются ради решения научных творческих задач, как приведенная выше хирама. Спонтанные сетевые структуры в современном, во многом виртуализированном, социуме включают, например, лишенные иерархии объединения по интересам, скажем кулинаров-энтузиастов (GreatCooksCommunity) или экологов-активистов. В настоящее время можно

прогнозировать распространение в социуме спонтанных сетевых структур – товариществ всех пострадавших от коронавируса. У них есть общие интересы, общее отношение к остальному социуму и в известной мере общая стигма. Свои децентрализованные сети формируются в экономической сфере по мере распространения виртуальных валют и системы блокчейна. Свои сетевые структуры также формируют в России обманутые банковские клиенты и анонимные алкоголики.

Решение идеологических задач «по плечу» сетевым структурам в том случае, если они объединены в более крупные и многопрофильные *мегасети*.

Подчеркнем, что, даже безотносительно к идеологической миссии, в обстановке развивающегося информационного общества и цифровой экономики назревшей социальной задачей можно считать организационное объединение сетевых структур, пусть посвященных узким или локальным вопросам. Подобные объединения сетевых структур представляются совершенно необходимыми для создания консолидированного гражданского общества, решения масштабных социальных, культурных, политических и экологических проблем, для обеспечения социальной стабильности и мотивации людей к конструктивной общественно-полезной деятельности.

В терминах заявленной задачи создания и распространения новой *сетевой идеологии*, крупномасштабные и часто многоуровневые мегасети представляют особую ценность. Следует ожидать, что именно мегасети будут вырабатывать идеологию, понимаемую в самом широком смысле. Она дает варианты ответов на волнующие людей «вечные вопросы» о смысле человеческой жизни, о государственном устройстве, о светлом будущем (есть ли оно? Как его себе представлять?), об исторической миссии всего человечества (зачем мы существуем на этой планете?) и каждой его части (нации, народности, группы, класса и др.), о принципах межчеловеческих отношений, об отношении к живому, природе в целом... — и на многие другие вопросы.

Сценарии создания мегасетей

Прежде чем перейти к содержательной характеристике возникающей ныне во всем мире сетевой идеологии, кратко остановимся на способах (сценариях) превращения малых, узконаправленных, часто «местнических» сетевых структур в способные к полномасштабной реализации идеологической миссии мегасети.

Контрактный сценарий. Две или более сетевых структуры временно объединяются вокруг проекта (задачи), не теряя при этом своей организационной независимости. Аналогичным образом в живой природе взаимодействуют биопленки, формируемые микроорганизмами. Может оказаться, что биопленка одного микробного вида образует продукт, который может быть сырым материалом (субстратом) для биопленки иного вида. Может быть целая цепь таких микросетей, аналогичная цепям частичных производителей в сетевом альянсе предприятий, скажем, совместно конструирующих самолет Boeing. Некоторые приматы, в частности, шимпанзе и бонобо (карликовый шимпанзе), формируют эгалитарные соединяющиеся-распадающиеся сетевые структуры, где

принцип временного «контрактного» объединения (например, пока есть пища в данном месте) заложен на уровне межиндивидуального общения, например, особей шимпанзе.

В социуме контрактный сценарий иллюстрируется, например, динамичными сетевыми структурами в бизнесе (Snow et al., 1992). Речь идет о временных союзах фирм, готовых объединиться для выполнения определенной задачи, а затем разойтись, чтобы стать частью другого временного союза (Мильнер, 2006). В этой ситуации сетевые отношения между фирмами не являются ни стабильными, ни долговременными.

Вернемся также к отмеченной выше схеме хирамы. Представим себе, что перед такими сетевыми структурами стоят масштабные идеологические задачи (скажем, разработка новой религиозной доктрины России). В подобном случае вполне логично их объединение, хотя бы даже временное, ради решения особо масштабных идеологических задач.

В этом случае происходит объединение нескольких сетей вокруг проблемы, которая в каждой из них рассматривается как субпроблема (соответственно, есть компетентный творческий лидер). Скажем, несколько занятых религиозной проблематикой хирам, работающих в разных регионах одной страны, обнаруживают, что у всех них в списке задач имеется задача «Обеспечение межрелигиозной толерантности». По этой субпроблеме, в каждой сетевой структуре имеется отвечающий за нее частичный творческий лидер. В такой ситуации имеющиеся в каждой хироме «по штату» лидеры по внешним связям инициируют переговоры, в которые далее вовлекаются творческие лидеры по данной субпроблеме. Так возникает временный творческий союз на базе договора, существенно не ограничивающего автономию отдельных сетевых структур.

Организмический сценарий. Кратко рассмотренный выше сценарий создания многоуровневых сетевых структур предполагают значительную независимость каждого из партнеров (малых сетевых структур) при их соединении для решения той или иной объединяющей всю сеть задачи. Независимость малых сетей в рамках их рыхлых объединений, как было отмечено, затрудняет долговременную стабилизацию всей большой сетевой структуры.

Одним из потенциально возможных организационных решений при долговременном сохранении сетевой структуры является реализация иных способов сетевой организации. При этом, следует исходить из того, что целая многоуровневая мегасеть – не просто объединение сохраняющих автономию малых децентрализованных сетевых структур. Целая мегасеть рассматривается как функциональный аналог целостного живого организма. Здесь имеются важные биологические аналоги. С глубокой древности социальные целостности типа государства рассматривали как аналоги организмов, а касты, классы или другие социальные слои – как аналоги органов целого. Каковы биологические критерии целостного организма и в каких случаях объединения сетевых структур в человеческом социуме будут приближаться к формированию организмоподобного целого? Отметим, что такое организмоподобное целое, формирующееся из

теряющих автономию (но приобретающих новые возможности в целой системе) малых биологических единиц, многие биологи обозначают как «колония».

Характерные черты организмического сценария объединения первоначально автономных структур лаконично сформулировал русский биолог В.Н. Беклемишев (1950. С.113-117, см. также: Марфенин, 1993), который работал с колониями (кормусами) кишечнораотовых животных (понятно, что вместо слова «колония» в социуме следует подставлять термин «мегасеть»):

- «*Создание колониальных органов...*» -- органов, принадлежащих мегасети в целом, а не какому-либо элементу её по отдельности. С этим связан отмеченный Беклемишевым перенос функций с уровня элемента структуры на уровень структуры в целом. В человеческом социуме формирование организмической сети означает достаточно глубокую и часто необратимую функциональную специализацию входящих в её состав, ранее независимых, сетей, каждая из которых начинает напоминать особый орган (как сердце, легкие, печень и др.) всей многопорядковой сети. Организмоподобные качества присущи структурам, которые и обозначаются в литературе как стабильные сети (Snow et al., 1992). Речь идет об объединениях географически рассредоточенных фирм типа японских кейретцу (стабильные союзы фирм разных размеров, например, специализированных по этапам изготовления хлопковых изделий) или скандинавских межорганизационных союзов, состоящих из индустриальных гигантов типа Volvo, Ericsson, Saab-Scandis, Fairchild. В классической работе Пауэлла по бизнес-сетям (Powell, 1990) был описан пример формирования организмоподобных сетей из малых предприятий (насчитывавших менее чем 50 работников) в Северной Италии (Эмилья-Романья). В случае сетей типа хирам, организмоподобный характер приобретают созданные из специализированных по функциям хирам прочные хирамиады (хирамы из хирам). Это спаянные сети второго порядка, в которых каждый из частичных лидеров хирамы соответствует целой хираме. Так, каждую из субпроблем протоколирует и координирует коллективный хирамический лидер, в составе которого есть свои творческие лидеры (по еще более узким «субсубпроблемам»), свой психологический лидер, свой внешний лидер и т. д.
- «*Наличие общеколониальных аппаратов нервной и распределительной систем*». По существу, это конкретизация предшествующего пункта – к числу специализированных органов (их аналогов в социальных организмоподобных сетях) относятся е контроль и регуляция деятельности всей системы (прерогатива нервной системы в биологическом организме), а также распространение ресурсов по всей сети (задача кровеносной или иной распределительной системы). Сети с подобной функцией в ранее опубликованных авторских работах были обозначены как сети-шапероны. Термин «шаперон» употребляется в биологии, где он обозначает молекулы, которые регулируют сборку, укладку и последующее стабильное функционирование других биомолекул. Аналоги биологических шаперонов – социальные шапероны (структуры-медиаторы) в человеческом социуме могут выполнять важные функции в связи с регулированием процесса объединения

сетевых структур в социально, экономически и идеологически влиятельные мегасети, в том числе 1) Стимулирование развития и распространения децентрализованных сетевых структур во всех сферах социума, где они целесообразны; 2) Привлечение внимания разработчиков сетевых структур в разных сферах социума к их организационной многовариантности; 3) Посредничество при контактах между сетевыми и несетевыми структурами и вообще структурами различных типов (по линиям иерархии—(квази)рынки, иерархии—сети, (квази)рынки—сети), а также между структурами одного типа, скажем, между несколькими сетями; 4) Экспертиза и мониторинг уже существующих сетевых структур с точки зрения их контента – целей, норм и др.

- *«Упорядочивание общего плана строения и развития колонии»*: указанные выше сети-шапероны могут мягко (не вступая в иерархические отношения доминирования-подчинения, которые не соответствуют горизонтальной сетевой структуре) ориентировать сеть в отношении ее деятельности. Подобная функция особенно рельефно в том случае, если взаимодействующие сетевые структуры в рамках организмоподобной большой сети относятся к разным социальным слоям.

Актуальность для России и ряда других стран представляет ситуация, когда творческие сетевые структуры при правительстве, государственном аппарате («фабрики мысли» с задачей разработки политического или экономического курса) данной страны ищут контакта и взаимодействия с «низовыми» сетями, спонтанно или целенаправленно создаваемыми из простых граждан (сети больных коронавирусом, заядлых шахматистов, пламенных патриотов и др.). Встраивающиеся между ними сети-шапероны в этой ситуации будут доводить идейные и практические установки правящих кругов до масс простых людей на понятном их языке, мобилизовать их на решение поставленных правительством задач.

О сетевой идеологии

Как указывалось выше, мы не ставим задачу детального содержательного прогноза формирующейся на наших глазах идеологии, распространяемой сетевыми структурами и их объединениями. Однако сама организационная структура сетей создает определенные ожидания в плане характера создаваемой ими идеологии.

Приоритет общечеловеческих ценностей, проблем и целей. По мере укрупнения и слияния децентрализованных сетевых структур любого профиля и локализации в более масштабные мегасети, особенно по организмическому сценарию (когда малые сети выступают как специализированные органы целого), следует ожидать усиления присущей сетям способности к все более многоаспектному, интегральному, междисциплинарному охвату той проблематики, которой они себе посвящают. Если централизованные иерархические структуры, в частности научные или коммерческие бюрократии, стремятся дробить всякую проблему на

все более узкоспециальные компоненты, то децентрализованные сети, наоборот, имеют тенденцию к максимальному расширению своих проблемных областей.

В историко-научной работе Т.А. Кировской (2005, см. также Олескин, Кировская, 2006, 2007) по децентрализованным творческим сетям микробиологов-энтузиастов было отмечено, что «широкая специализация и интегральный стиль научного мышления, характерные для многих представителей рассмотренного направления в отечественной микробиологии, обусловили» философскую «нагруженность» их творчества, непосредственную связь конкретных научных разработок с *общебиологическими теориями* и онтологическими идеями о мире в целом.

Поэтому возникающие спонтанно или целенаправленно насаждаемые в социуме децентрализованные сетевые структуры могут, конечно, изначально посвящать себя любому вопросу – от состояния окружающей среды в городе N до наведения порядка в общественных туалетах того же города, от содействия освоению Марса до помощи бездомным собакам. Однако отмеченное структурное свойство сетей – интегральный, многоаспектный охват любой проблематики – постепенно приводит к «растеканию» их интересов на все более широкий круг тематик (наподобие известного в нейрофизиологии растекания зоны доминанты по мозгу), так что в перспективе все сетевые структуры имеют тенденцию сходиться на предельно интегральной теме типа «будущая траектория развития мира и как на эту траекторию выйти?»

Соответственно такому интегральному подходу децентрализованных сетей, следует ожидать, что они – и особенно их объединения типа мегасетей с расширенным проблемным горизонтом – окажутся в состоянии взять на себя важную глобальную миссию *охраны и заботы об общечеловеческих целях и ценностях*. Данная миссия прямо связана с кардинальной этико-политической дилеммой: человечество имеет как бы две принципиально разные грани.

С одной стороны, человечество есть единая целостная система, ориентированная на решение глобальных задач – от охраны природы до борьбы со СПИДом и до рационализации международного законодательства по безопасности движения транспорта вне зависимости от нации, региона, вероисповедания и др.

С другой стороны, человечество разбито на самостоятельные и во многих случаях конкурирующие и даже конфликтующие национальные, региональные, культурные, конфессиональные системы. В различные периоды истории на первый план выходит то «всечеловеческое» единство, то разделенность и вражда по этническим и религиозным принципам.

Разные организационные типы структур преимущественно «обслуживают» разные грани человечества. Иерархические структуры, особенно государственного уровня («президентская вертикаль») как отмечено, например, в работах С.Ю. Глазьева (2015), успешно выполняют функции, связанные с идеологией национального и/или культурного единства, укреплением государственности и обороноспособности, а также национальной экономики и валютно-финансовой системы.

В то же время, сетевые структуры могут взять на себя отстаивание всечеловеческих интересов в современном, во многом поляризованном и конфронтационном, мире.

Необходимо оговорить, что далеко не все существующие в социуме сетевые структуры ныне готовы взять на себя роль поборников интересов человечества как единой системы, вопреки деющим ее барьерам. Сети сами могут не объединять, а разделять человечество на части, если их члены имеют какую-либо этническую, конфессиональную, классовую или иную идентификацию. Примерами могут служить часто спонтанные сетевые структуры национальных диаспор, в том числе всякого рода «землячества», «братства по крови». Более экстремальные примеры представляют «темные сети» наркодилеров, гангстеров или террористов.

Поэтому при объединении сетей в мегасети важным условием следует признать преодоление этнической/конфессиональной/классовой/локальной ограниченности каждой из них, если они становятся подсетями, «функциональными органами» более глобальных сетевых организмов, а рассогласование их интересов так же вредит мегасетям, как вредит здоровью организма конфликт между его органами и системами. Важнейшую роль при этом приобретают существующие в мегасетях аналоги нервной системы – уже упомянутые выше шапероны как направляющие развитие всей мегасети в благоую сторону подсети.

Антиконфронтационный (антиконфликтный) характер сетевой идеологии. Системные характеристики сетевых структур, описанные в авторских работах (Олескин, 2012, 2016) способствуют их роли в предотвращении или гашении разнообразных социальных, экономических, религиозных, политических и даже военных конфликтов. В этой связи обращает на себя то, что *сети не признают границ вообще — и границ взаимодействующих с ними иерархий в частности; сети активно коммуницируют с «чуждыми» элементами.*

У многих видов обезьян вожак группы бдительно охраняет её территорию, а сетевая «площадка молодняка» того же вида обезьян может не признавать границ этой территории и приглашать к общению молодёжь с территориями других групп. Иерархия политической системы какого-либо государства следит за его территориальной целостностью. При этом к охраняемой территории, естественно, принадлежит не только географическое пространство, но и, например, всякого рода собственность политической иерархии, конфиденциальная информация, коммерческие секреты, государственные тайны. Однако сетевые структуры часто не обращают столь существенного внимания на границы охраняемой территории и строят мосты через них, чтобы активно общаться с интересующими их индивидами и группами по другую сторону границ. Например, созданная в России сеть экологов (реальный пример представляет Социально-экологический союз) не может не войти в контакт с экологами других стран мира, впитывая не только экологические, но и политические идеи. Тенденция к коммуникации «вопреки барьерам и границам» в полной мере присуща и виртуальным сетевым структурам. Сетевые сообщества в Интернете, например, в социальной сети

Facebook, постоянно испытывают в силу этого серьезные трудности с сохранением конфиденциальности информации о пользователях (privacy issues).

Из этого характерного свойства сетей вытекает важное с антиконфронтационной/антиконфликтной точки зрения следствие. Вовлечение конфликтующих сторон, скажем, военных противников или экономических конкурентов в качестве участников в единую сеть (пусть посвященную некоему частному вопросу, например, роли микроорганизмов в улучшении телесного и душевного здоровья людей) формирует у них новую идентичность, обуславливающую кооперативные, а не враждебные отношения между собой. Формальный лидер во многом сетевой децентрализованной Биополитической интернациональной организации Агни Влавиянос-Арванитис (Vlavianos-Arvanitis, 2003) предлагала именно в этом контексте охрану биоразнообразия планеты (биоса) как повестку дня для общения даже между недружественными государствами, нациями, религиозными движениями. Глобальные сетевые структуры могли бы способствовать предотвращению или прекращению войн и улаживанию опасных конфликтных ситуаций, выступая как планетарные «третейские судьи». Установление мира в конфликтных зонах планеты могло бы быть основной целью сетевых децентрализованных структур, которые непременно включают в свою ткань («грибницу») авторитетных представителей всех конфликтующих сторон.

Но не всегда сети имеют антиконфликтный эффект. Есть ситуации, когда они сами могут создавать конфликты. Не признавая границ иных структур (в частности, иерархических), многие сети серьезно укрепляют собственные не-географические границы, отделяющие членов сетей от тех, кто не принадлежит к ним (такое жесткое разграничение было характерно для многих из в целом эгалитарных по структуре израильских кибуцев). Наличие межсетевых границ чревато особыми межсетевыми конфликтами, что обуславливает необходимость межсетевых медиаторов, кратко рассмотренных в конце предшествующего раздела. Межсетевые медирующие структуры выступают как частный случай *социальных шаперонов*, которые кратко рассмотрены выше.

Межконфессиональный (интеррелигиозный) характер сетевой идеологии. Этот аспект развивающейся на наших глазах глобальной идеологии децентрализованных сетей во многом логически продолжает их антиконфронтационное действие. Пусть отдельные сетевые структуры формируются внутри конкретной религиозной конфессии или церкви и посвящают себя православию или, скажем, исламу, иудаизму, но тем не менее сети в целом по своей структурной логике склонны коммуницировать и распространяться вопреки всяким барьерам, как уже было отмечено выше. В данной ситуации это означает тенденцию к преодолению межрелигиозных, межконфессиональных барьеров, созданию неких интегральных сетей, налаживающих диалог и совместное творчество людей разной веры, а также верующих и атеистов, церковников – и людей светских профессий.

Духовная компонента сетевой идеологии. Независимо от религиозной или светской, даже строго атеистической, подоплеку той или иной конкретной сети,

сетевые структуры – и особенно возникающие при их объединении мегасети с расширенным коллективным сознанием – неизбежно вторгаются в духовную сферу бытия. С этой точки зрения немаловажно то, что сетевые структуры не сводятся к совокупности составляющих их индивидов и наделены собственной наиндивидуальной волей; их идейный матрикс представляет собой своего рода «ментальный конденсат», порождаемый мыслями и эмоциями людей и обретающий самостоятельное бытие как «эгрегор». В известной мере сетевая структура, особенно создаваемая с гуманитарной, благотворительной, экологической, демократизирующей или иной позитивной целью, напоминает Розу Мира в одноименной книге Даниила Андреева (1991). В этой книге говорится о Розе Мира как о светлой надгосударственной силе, для создания которой необходимо сплочение «наиболее одушевленных, творческих, деятельных и одаренных членов ее в ядро. Ядро, для которого характерна атмосфера неустанного духовного созидания, деятельной любви и чистоты». Отчасти аналогично концепции Августина Блаженного, сетевые структуры позитивной направленности способны формировать на Земле «град Божий», в противовес «граду земному» – политическим структурам.

Поэтому неудивительно, что проникнутые межконфессиональной толерантностью духовные идеи вообще могут представлять собой весьма эффективное идеологическое «наполнение» — так называемый *матрикс (матрицу)* сетей. В публицистических статьях выдающегося ученого (микробиолога) С.Н. Виноградского ([2013]) по поводу неудачных опытов по созданию социалистических общин отмечалось, что «только идея не от мира сего, поработившая чувства и волю индивидов, ... может спаять людские души в одну, лишит их всяких эгоистичных устремлений» (С. 621). В наши дни поборники идеи «христианского социализма», в частности, Н. Сомин (2015) подчеркивают роль религиозного матрикса в реализации «незыблемого принципа соборности», связанного с участием «всех в решении малых и больших проблем общины». Община строится во многом как сетевая структура, даже при надстраивании над ней иерархического этажа (включающего «президента», «духовника», «министерство труда» и т.д. в социальном проекте цитированного Сомина).

Верующий человек готов понять, почему можно заниматься творческой деятельностью и коллективно делать добро и без всякой иерархии: верующему земная иерархия не нужна, ибо у него есть лишь один руководитель (Всевышний), из-за чего всякая земная иерархия оказывается условной, временной.

Здесь вернемся к упомянутому выше и рассмотренному в авторских работах понятию *матрикса сети* как консолидирующего ее комплекса идеологических установок, ценностей, норм поведения, а также, что особенно важно – неявного знания (например, техник создания программ в сетях компьютерных специалистов), которое существует на уровне всей структуры и не дано в полном объеме отдельным участникам сети. Представляет интерес сам тот факт, что в сетях, где отношения доминирования-подчинения оттеснены на задний план эгалитарными, кооперативными отношениями, матрикс может вести себя как безликий «квази-доминант». Его команды (например: «одевайся как положено члену нашей сети!») принимаются к исполнению как приказы командира в армии. Парадоксальность ситуации заключается в том, что в неиерархической сетевой

структуре появляется незримый, своего рода «мнимый», лидер. Подобно этому, в оптике различают действительный фокус — точку схождения световых лучей в системе линз и зеркал (где возникает действительное изображение отражаемого предмета) и мнимый фокус, где пересекаются продолжения реально расходящегося пучка световых лучей (и где получается мнимое изображение предмета).

Альтруистический и квазисоциалистический характер сетевой идеологии. По мере укрупнения и объединения сетей в их пользу — и на благо всего социума — начинает работать их отличие и от иерархий, и от рынков. Это отличие заключается в преобладании альтруистической, а не только эгоистической мотивации. Именно с ней связаны соединяющие многих «сетевиков» отношения лояльности и долговременного доверия (социальный капитал). В этой мере развитие сетей сопряжено со стимуляцией альтруистических установок в психике людей, что, конечно, может приобретать духовное, религиозное звучание.

Отмеченное развитие отношений доверия и лояльности — социального капитала — внутри сетей способствует формированию психологии коллективизма и чувства принадлежности к сети («общинности»), что как раз и отличает сети как от иерархий, так и от (квази)рынков, которые опираются на собственный интерес и в ряде случаев допускают дезинформацию конкурентов. «Кооперируясь на различных направлениях деятельности, участники кластера¹ широко делятся ресурсами, создают атмосферу доверия и открытости, накапливают социальный капитал. Благодаря такому режиму они получают доступ к критически важным активам и технологиям, циркулирующим как внутри кластерной сети, так и по каналам взаимодействия с внешними партнерами» (Смородинская, 2015. С. 100).

При этом сети по мере своего развития — особенно сетевые структуры в мире бизнеса (сетевые альянсы предприятий, внутренние бизнес-сети и особенно кооперативы) воплощают некоторые важные черты *квазисоциалистического уклада* и соответствующей идеологии.

В частности, «поворот к социализму» в коммерческих сетевых структурах диктуется самой структурной логикой сетей, независимо от чисто прагматических целей создателей подобных бизнес-сетей. Создание сетевых стратегических альянсов между капиталистическими фирмами обычно ведет к тому, что хотя бы некоторые из ресурсов входящих в альянс фирм становятся доступными для некоммерческого (т.е. без договоров найма или купли-продажи) применения всех членов этого альянса. Причем, помимо коллективной собственности на материальные ресурсы, в современную эпоху чрезвычайно важна та или иная степень обобществления *информации и объединения компетенций в масштабах сетевой структуры*. В этом плане иллюстративной представляется ситуация, когда управляющие одной фирмы входит в Совет директоров другой (Borgatti,

¹ Кластеры понимаются здесь как один из вариантов сетевых структур в бизнесе. По определению М. Портера (см. Смородинская, 2015) «кластер — это сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, а также торговых объединений) в определенных областях, конкурирующих, но вместе с тем и ведущих совместную работу».

Foster, 2003), что обозначается английским термином board interlock. Примером являются также упомянутые бизнес-сети типа кластеров: «для реализации совместных производственных проектов участники кластера комплементарно соединяют свои активы, знания и компетенции в разных комбинациях, что позволяет наращивать производительность в ее современном понимании, неограниченно расширяя разнообразие создаваемых благ» (Сморозинская, 2015. С.77).

Отсутствие централизованных иерархий в сетевых структурах ведет к реальной возможности каждого участника той или иной сети влиять на принимаемые ей решения и на весь ее имидж (что весьма характерно для многих онлайн-сетей, где каждый может быть услышанным). Это и есть свойственная социализму, как его понимают в современном мире, например, структурные марксисты (в частности, Роберт Ресш), «*демократия участия*» (participatory democracy), по контрасту с присущей капитализму «*демократии представительства*» (representative democracy), которая «отражает и воспроизводит классовое неравенство и эксплуатацию, разделяя и разграничивая сферы, где демократические принципы допускаются, от тех сфер, где демократия исключена» (имеется в виду в основном экономическая сфера, где царят иерархические корпоративные структуры и рыночный чистоган, (Resch, 1992, Р.30)).

Современные информационные технологии и практика online-взаимодействия способствуют реализации квазисоциалистической демократии участия в сетевых структурах – как чисто виртуальных (на данной стадии развития), так и вышедших за пределы Интернета в реальную экономическую жизнь. Можно говорить о так называемой «электронной демократии», поскольку 1) «компьютерные технологии просты в использовании, доступны для всех и интерактивны»; 2) «использование этих технологий приводит, в определенном смысле, к росту социальной значимости их пользователей»; 3) «с помощью этих технологий достигается более естественное (непосредственное) вовлечение (причастность) граждан в процессе принятия решения»; 4) «современные электронные технологии способны совместить прямые коммуникации участников виртуальных сообществ и бесконечное количество этих участников» (Тищенко, 2014. С.58-59).

Демократия участия в рамках сетевого общества обуславливает и реализацию такого важного инструмента социализма как *демократический контроль за средствами производства* (Resch, 1992). Такой контроль самоочевиден там, где сетевые принципы уже стали реальностью – например, в предприятиях типа кооперативов, где коллективная собственность на средства производства подразумевает и коллективный контроль за производством и распределением его результатов.

Например, в «Руководстве для членов кооператива» потребительского кооперативного общества в Хановере (Consumer Cooperative Society, США, Нью-Хэмпшир), которое охватывает кооперативные продовольственные магазины, включая районный продуктовый рынок, и кооперативный центр сервиса, отмечается, что «члены кооператива поддерживают его своим попечительством, участвуют в принятии решений и получают долю от доходов, связанных с деятельностью кооператива». Данный ко-оп входит в состав сетевой структуры

более высокого порядка (Cooperative Grocer Network), которая руководствуется принципами Международного союза кооперативов (International Co-operative Alliance). Эта «сеть сетей» представляет собой в целом «автономную ассоциацию людей, которые добровольно объединились, чтобы удовлетворить свои экономические, социальные и культурные потребности и чаяния на основе предприятия, которое находится в их совместной собственности и подлежит демократическому контролю» (International Co-operative Alliance Statement on the Co-operative Identity; see Cooperative Grocer Network, 2014).

Настоящая работа носит в основном светский характер, будучи посвященной децентрализованным сетевым структурам и их объединениям (мегасетям) как эмерджентному феномену современной социальной, экономической и политической реальности. Тем не менее, авторы полагают, что значительный интерес представляет отмеченное выше отмеченное выше сравнение сети с ее матриксом – и эзегора как мистической сущности. Поэтому в сетях духовной, религиозной направленности участники вправе верить, что им не нужен земной лидер именно потому, что их деятельность и вся жизнь находится под влиянием высших сил. Кроме патриотической и в то же время глобальной задачи направления неизбежной сетевой революции в наиболее конструктивное русло, обещающее людям Земли светлое будущее, деятельность создателей и регуляторов сетевых структур приобретает в этом случае еще и религиозную санкцию.

Литература

- Андреев Д. Роза мира. М.: Прометей. [1991].
- Беклемишев В. Н. К проблеме индивидуального в биологии. Колонии у двусторонне-симметричных животных // Усп. соврем. биол. 1950. Т.29. № 1. С.91-120.
- Виноградский С.Н. Экспериментальный социализм // Летопись нашей жизни / Под ред. Н.Н. Колотиловой, Г.А. Савиной. М.: МАКС Пресс. [2013]. С.606-622.
- Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития. М.: Институт экономических стратегий. Русский биографический институт. 2015. 60 с.
- Кировская Т. А. Исследования популяционной организации и межклеточной коммуникации у микроорганизмов в Советском Союзе (России) второй половины XX века. Диссертация на соискание степени кандидата биологических наук. М.: Институт истории естествознания и техники. 2005.
- Марфенин Н. Н. Феномен колониальности. М.: Изд-во МГУ. 1993.
- Мильнер Б. З. Теория организации. Учебник. М.: Инфа-М. 2006.
- Олескин А. В. Междисциплинарные сетевые группы//Вестн. Росс. Акад. наук. 1998. № 11. С. 1016–1022.
- Олескин А.В. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе. М.: УРСС. 2012. 301 с.
- Олескин А.В. Сети как неиерархические и нерыночные структуры: реализация в биологических и социальных системах // Экономические стратегии. 2013. № 5. С. 2-7.
- Олескин А. В. Сетевое общество: его необходимость и возможные стратегии построения. М.: УРСС. 2016. 194 с

- Олескин А. В. Роль децентрализованных кооперативных сетей (ДКС) в восстановительной медицине // Вестник восстановительной медицины. 2018. № 2. С. 21–28.
- Олескин А. В., Кировская Т. А. Популяционно-коммуникативное направление в микробиологии // Микробиология. 2006. Т. 75. № 4. С. 1–6.
- Олескин А. В., Кировская Т. А. Сетевая структура в микробиологии // Вестн. Росс. Акад. Наук. 2007. № 2. С. 139–148.
- Олескин А. В., Курдюмов В. С. Децентрализованные сетевые структуры в научном сообществе, системе образования, гражданском обществе и бизнесе: модель хирамы // Экономические стратегии. 2018. № 2. С. 2–18.
- Смородинская Н.В. Глобализованная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М.: Институт экономики РАН. 2015.
- Сомин Н. Православный социализм как русская идея. [2015]. Интернет-ресурс: <http://movsoc.ru/nikolay-somin-pravoslavnyi-socializm-kak-russkaya-ideya-sbornik-statei-chast-i>.
- Тищенко В.И., Жукова Т.И., Попов Ю.С. Сетевые взаимодействия. Предмет исследования и объект моделирования. М.: УРСС, 2014. 352 с.
- Borgatti S. P., Foster P. C. The network paradigm in organizational research: a review and typology // Journal of Management. 2003. V. 29. No. 6. P.991-1013.
- Cooperative Grocer Network. 2014. Интернет-ресурс: <http://www.cooperativegrocer.coop>.
- Powell W. M. Neither market nor hierarchy: network forms of organization // Res. Organizational Behavior. 1990. V. 12. P. 295–336.
- Resch R. P. Altrusser and the Renewal of Marxist Social Theory. Berkeley, Los Angeles, & London: University of California Press. 1992.
- Snow C. C., Miles R. E., Coleman H. J. Managing 21st century network organizations // Organizational Dynamics. 1992. V. 20. № 3. P. 5–20.
- Vlavianos-Arvanitis A. (Ed.). Bio-Syllabus for European Environmental Education. A Textbook for the Better Understanding and Appreciation of the Bio-Environment. Athens: Biopolitics International Organisation. 2003.

MEGANETWORKS AND NETWORK IDEOLOGY

Alexander V. Oleskin, General Ecology and Hydrobiology Department, Biology Faculty, Moscow State University, Member of the Sretensky Club
Vladimir S. Kurdyumov, Institute of Economic Strategies, Russian Academy of Sciences, Coordinator of the Sretensky Club

Modern-day information technology-based society cannot thrive without the network revolution (or network transition), i.e., the spread of decentralized nonhierarchical *network structures* cemented by common goals and behavioral norms. Network structures fulfill a large number of useful functions in human society: they represent efficient creative teams dealing with fuzzy, complex interdisciplinary issues. In business, network structures, e.g., decentralized networked interfirm alliances, are an important prerequisite of successful commercial activities in unstable, dynamic present-day markets whose operation involves virtual currencies and the blockchain system.

Apart from their practical functions, network structures also spontaneously develop new worldviews, value systems, and ideologies. Drawing on our previous research, this work is concerned with the ideological role of network structures. Moreover, it is assumed that network structures are capable of overcoming the ideological void that is characteristic both of postcommunist countries whose formerly dominant ideology has lost its influence and of the

West where liberal ideological concepts, formerly considered unshakable, are being increasingly discredited.

What kind of ideology is promoted by the ongoing network revolution? Can it fully perform the function of consolidating modern nations in spiritual terms, in an analogy to the communist as well as to the liberal ideology? What requirements should network structures meet in order to produce efficient ideologies? The present work is focused on these issues.